

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).06(093.2)=811.133.1

ФРАНЦУЗСКАЯ РОССИКА СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

С. А. Мезин

Мезин Сергей Алексеевич, профессор, заведующий кафедрой истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mezinsa@mail.ru

Автором статьи дан обзор донесений, записок и воспоминаний о России французских дипломатов середины XVIII века – маркиза де Ла Шетарди, графа Дальона, шевалье д'Эона, маркиза де Лопиталья, де Ла Мессельера, Фавье. Вводятся в научный оборот «Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской» д'Эона. Отмечаются особенности текстов каждого автора и выделяются общие черты, характеризующие представления французских дипломатов о России времени императрицы Елизаветы Петровны.

Ключевые слова: французская россика XVIII века, Елизавета Петровна, русско-французские отношения, де Ла Шетарди, Дальон, д'Эон, де Ла Мессельер, Фавье.

French Rossika in the Middle of the XVIII Century

S. A. Mezin

Sergey A. Mezin, ORCID 0000-0002-9992-761X, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, mezinsa@mail.ru

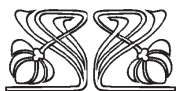
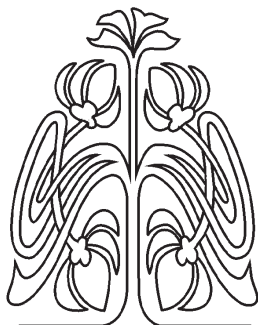
The article gives an overview of the reports, notes and memoires about Russia written by the French diplomats of the mid-eighteenth century – Marquis de La Chétardie, Count d'Allion, Chevalier d'Éon, Marquis de L'Hôpital, de la Messelière, Favier. «Secret anecdotes about the court of the Empress of All-Russia» by d'Éon are introduced for a scientific consideration. The author notes the peculiarities of each work and at the same time highlights the common features that characterize the views of French diplomats about Russia at the time of Empress Elizaveta Petrovna.

Key words: French rossika of the 18th century, Elizaveta Petrovna, Russian-French relations, de La Chétardie, d'Allion, d'Éon, de La Messelière, Favier.

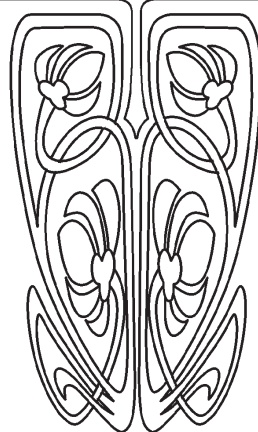
DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-276-282

Сочинения французских авторов XVIII в. о России не оставляли равнодушными их русских современников. Достаточно вспомнить полемические отклики на произведения Локателли, Вольтера, Шаппа д'Отроша, Леклерка, Левека и др. Уже в конце XVIII столетия была осознана историческая ценность донесений французских дипломатов из России. Во время Французской революции граф А. Р. Воронцов обращался к советнику российского посольства в Париже Машкову с просьбой приобрести записки французских дипломатов о России: копии депеш де Ла Шетарди, Дальона, Дугласа, де Лопиталья и др.¹ В XIX и в начале XX в. в России широко публиковались, переводились и использовались в качестве источников записки иностранцев, в том числе французская россика века Просвещения. Однако с середины 1930-х годов внимание историков к сочинениям подобного рода заметно ослабло. Лишь с конца 1980-х годов изучение россики, обогащенное новыми подходами, вновь стало занимать заметное место в исторических исследованиях отечественных авторов.

На сегодняшний день наиболее пристальное внимание исследователей привлекла французская россика петровского времени, а также сочинения французских авторов, посвященные Петру I². Произведения других периодов подвергались лишь «точечному» изучению. Наименее изученными представляются известия французов о России

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

середины XVIII в. Некоторые сочинения этого времени остаются неопубликованными и малоизвестными отечественным историкам.

Французская россика времени царствования Елизаветы Петровны (1741–1761) включает в себя сочинения разных видов. Это и научно-литературные произведения знаменитого Вольтера, которые до сих пор полностью не переведены на русский язык, и частично опубликованная политическая переписка французских послов в России (де Ла Шетарди, Дальон, де Лопиталь и др.), и специальные записки о России французских дипломатов (д'Эон, де Ла Мессельер, Фавье). Это, наконец, записки о путешествии в Сибирь Шаппа д'Отроша, совершенном в конце царствования Елизаветы, опубликованные и получившие широкую огласку уже в 1760-е годы.

В настоящей статье речь пойдет об известиях о России авторов, принадлежавших к дипломатическим кругам. Единственную попытку дать общую характеристику этих сочинений можно найти в недавно изданном томе «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова (1841–1923)³. Известный историк дал обзор донесений и сочинений Шетарди, Дальона, Лопиталья, Мессельера, Фавье с точки зрения их ценности в качестве материала для изучения политической и дипломатической истории того времени. В приложении к тому опубликована статья С. Н. Киржаева⁴, содержащая информацию о современном состоянии литературы вопроса и актуальных подходах к изучению известий иностранцев о России. Накопленный опыт изучения «образа другого» позволяет по-новому взглянуть на давно известные тексты французской россики. Сегодня нас интересует не только то, как современник-иностранец характеризует различные явления русской жизни, но и вопрос *почему именно так* воспринимаются русские реалии, какова роль стереотипных представлений в формировании образа чужой страны. Проблема правдивости и ложности информации не снимается вовсе, но приобретает иной смысл при рассмотрении причин ошибок и искажений. Этнокультурные аспекты восприятия находятся в центре внимания. Новые публикации и находки дают возможность расширить исследовательское поле французской россики середины XVIII в.

Первыми в ряду сочинений французских послов в России времени императрицы Елизаветы Петровны стоят дипломатические донесения маркиза де Ла Шетарди. Жак-Иоахим Тротти, маркиз де Ла Шетарди (Jacques-Joachim Trotti, marquis de La Chétardie, 03.10.1705 – 01.01.1759)⁵ родился в Париже в дворянской семье, начал свою дипломатическую карьеру в Пруссии (1731–1738), а в июле 1739 года был назначен чрезвычайным и полномочным послом при дворе российской императрицы Анны Ивановны. Это назначение последовало после длительного охлаждения русско-французских дипломатических отношений

и их полного прекращения из-за вооруженного конфликта в ходе войны за польское наследство 1733–1734 годов⁶. Затем французская дипломатия выступила посредником при заключении Белградского мира России с Турцией (1739). Хотя этот мир оказался крайне невыгодным для России, обе стороны – Россия и Франция – посчитали французское посредничество поводом для возобновления нормальных отношений.

Шетарди прибыл в Петербург в конце декабря 1739 года. Сблизившись с великой княжной Елизаветой Петровной, он (в союзе со шведским послом бароном Э. М. Нолькеном) стал одним из вдохновителей дворцового переворота 25 ноября 1741 года, который привел её к власти. Впрочем, роль Шетарди в перевороте была не настолько существенной, чтобы утверждать, что «именно благодаря Франции дочь Петра взошла на престол»⁷. В начале нового царствования Шетарди занимал выдающееся место при дворе и на некоторое время стал, по выражению английского дипломата, «первым министром» Елизаветы Петровны. Однако открытая защита интересов Швеции вскоре отдалила его от императрицы, и он, нагруженный её подарками, вынужден был покинуть Петербург в сентябре 1742 года. Через год (это был благоприятный момент после раскрытия заговора маркиза Ботты, когда Австрия и её сторонники в России попали под подозрение императрицы) он вернулся в русскую столицу в надежде возродить свое влияние при русском дворе. Сторонник союза с Австрией (Священной Римской империей германской нации) и главный противник Шетарди А. П. Бестужев-Рюмин сумел дешифровать донесения французского дипломата, из которых было ясно, что тот печется об интересах врагов России, вмешивается во внутренние дела и позволяет оскорбительные высказывания в адрес императрицы. Вследствие этого Шетарди был выслан из России в 24 часа 17 июня 1744 года. У бывшего друга императрицы отобрали знаки ордена Андрея Первозванного, миниатюрный портрет Елизаветы и подаренную ей табакерку. Была направлена специальная нота французскому правительству, которое для вида подвергло неудачливого дипломата временному аресту.

Красивый, обладавший утонченными манерами и красноречием Шетарди всем своим видом и поведением стремился дать «понять русским... что такое Франция». В своих действиях маркиз проявил себя как человек крайне расточительный, тщеславный и самовлюбленный. Особое внимание он уделял одежде, церемониалу, тонкостям этикета. Не лишенный наблюдательности и остроумия, он во многих случаях судил и поступал легкомысленно. Эти личные качества проявились и в его сочинениях.

Выписки из донесений маркиза де Ла Шетарди впервые были сделаны А. И. Тургеневым (1784–1846), однако Николай I запретил их пу-

бликацию, считая, что эти материалы «оскорбительны для России и не имеют исторической важности»⁸. Уже в 1862 году эти выписки были переведены и опубликованы П. П. Пекарским в сопровождении содержательных комментариев⁹. Инструкции, данные Шетарди французским правительством, были опубликованы А. Рамбо¹⁰. Наконец, научная публикация донесений Шетарди была осуществлена Г. Ф. Штендманом¹¹.

Смерть императрицы Анны Ивановны, воцарение Ивана Антоновича и регентство Бирона, ссылка последнего, возвышение и падение Миниха, регентство Анны Леопольдовны, подготовка и осуществление переворота 25 ноября 1741 года, начало правления Елизаветы Петровны – эти события нашли отражение в письмах Шетарди министру иностранных дел Ж. Ж. Амело де Шайу. Подчас французский наблюдатель проявлял прозорливость. Так, незадолго до кончины Анны Ивановны Шетарди довольно точно предсказал расстановку сил при дворе после её смерти и возможные политические последствия (борьба между Остерманом и Минихом и стремление Анны Леопольдовны к личной власти)¹². Однако в деле возведения на престол Елизаветы Петровны, одним из инициаторов и вдохновителей которого он сам являлся, он проявлял поразительное непонимание реальной ситуации, когда за день до переворота сомневался в его успехе и рассуждал о том, не является ли «партия» процессы «порождением фантазии», и больше рассчитывал на военную помощь шведов¹³. Подстрекая шведское правительство к началу войны с Россией, Шетарди в своих посланиях сообщал о ничтожестве русской армии и флота, отсутствии денег, офицеров и матросов («нельзя выразить, как плохи у них лошади и оружие... русские морские силы без матросов... это государство не так страшно, как бы оно желало то показать... полки в жалком виде»)¹⁴, а после воцарения Елизаветы распространялся о могуществе России, за что получил выговор от своего министра¹⁵.

Историки, изучавшие депеши Шетарди, отмечали, что они «мало касались внутренней жизни страны» (Иконников), «являлись повторением общих мест» (Фурсенко). Эти общие места (топосы), суждения о России, которые в значительной степени разделяли и другие представители французской россики середины XVIII века, заслуживают специального рассмотрения.

Своеобразным дублёром Шетарди на посту дипломатического представителя Франции в России был Луи д'Юссон, граф Дальон (Louis d'Usson, comte d'Allion, 07.01.1705–31.07.1760)¹⁶. Этот дипломат впервые побывал в России в 1724 году, когда его дядя Жан-Луи д'Юссон де Боннак, бывший послом Франции в Турции, отправил своего племянника с поручением ко двору Петра I. С конца 1739 года он исполнял обязанности секретаря Шетарди, кото-

рый характеризовал коллегу как человека, знающего Россию, честного, усердного и преданного интересам короля¹⁷. После первого отъезда Шетарди из России Дальон был назначен в августе 1742 года посланником при дворе Елизаветы Петровны. Когда в ноябре 1743 года Шетарди возвратился на свой прежний пост, дипломаты не поладили между собой, и в драке Дальон шпагой поранил своему начальнику руку. Он вынужден был покинуть Петербург. После высылки Шетарди Дальон вернулся в Россию в ноябре 1744 года в ранге полномочного посла. Хотя Дальон был уполномочен королем признать императорский титул Елизаветы Петровны, он не принадлежал к числу её любимцев и не имел к ней прямого доступа. Болтливый и неосторожный в своих высказываниях, не слишком любезный с дамами, неопрятный, он получил прозвище «французский дурень», «обезьянья рожа». М. П. Бестужев говорил, что «Дальон незаметно готовит себе дорогу в Сибирь». На самом деле Дальон был неглуп и умел анализировать происходящее, но при этом был вспыльчив, бестактен, не обладал талантом царедворца. Помимо дипломатии он занимался коммерцией – торговал в своем особняке пудрой, помадой и табаком без уплаты таможенной пошлины¹⁸. Наметившийся было при Шетарди франко-русский союз, основанный на его участии в перевороте 1741 года, изворотливости и интригах, не получил развития при Дальоне. Французское посредничество в русско-шведской войне (1741–1743) было отклонено, а в продолжавшейся войне за австрийское наследство (1740–1748) Россия поддержала императрицу Марию Терезию в противовес Франции и Пруссии. Между тем Дальон находился под влиянием прусского посла Мардефельда. Французский посол оставил свой пост в Петербурге в декабре 1747 года. Его ненадолго сменил консул Жан-Батист Декюри де Сен-Совёр, не имевший никакого веса в политических делах. В июне 1748 года Версаль на несколько лет порвал отношения с Россией.

Послания Дальона французским министрам иностранных дел Амело и д'Аржансону¹⁹ содержали сведения о текущих делах в России и поступающих в Петербург внешнеполитических новостях. Ограниченный в средствах, Дальон понимал, что своими интригами он не сможет изменить политическую ситуацию в России, а потому высказывал «свою слабую идею», что Франция не нуждается во внутренних смутах при русском дворе²⁰. Его депеши кажутся прагматичными по сравнению с галантными и витиеватыми эпистолами Шетарди, их отличает заинтересованность в торговых делах и в заключении торгового договора, который мог бы стать шагом к политическому союзу с Россией²¹.

Впрочем, Дальона интересовали и общие вопросы политического развития России, о чем свидетельствует, например, приложенная к

депеше от 19 января 1743 года рукопись «Размышление отшельника», содержащая критику политического курса Елизаветы, которая для конспирации была представлена как сочинение русского автора²². Министр, хотя и одобрил замечания Дальона, но не рекомендовал ему впредь давать императрице советы, касающиеся «столь деликатной материи»²³. Не избегал Дальон и рассуждений о судьбе реформ Петра I.

Пауза в русско-французских дипломатических отношениях продолжалась до 1756 года. Однако в условиях опасного для обеих стран усиления Пруссии Фридриха II вновь появилось стремление к взаимному сближению России и Франции.

В октябре 1755 года в Петербурге побывал агент тайной дипломатической службы Людовика XV (так называемого «секрета короля») шотландец шевалье Александр-Пьер Макензи Дуглас²⁴. Ему удалось встретиться с вице-канцлером М. И. Воронцовым, который заверил его в желании продолжения русско-французского политического диалога. В преддверии Семилетней войны Франция, готовая заключить антипруссский союз с Австрией (Версальский договор 1 мая 1756 г.), получивший название «дипломатической революции», посчитала целесообразным восстановить дипломатические отношения и с Россией, давней союзницей венского двора. Для подготовки обмена посольствами в русскую столицу вновь был направлен шевалье Дуглас. На этот раз он пробыл в Петербурге с апреля 1756 по август 1757 года. При его участии, хотя и с большими трудностями, было оформлено присоединение России к Версальскому договору. Во время своего пребывания в России Дуглас должен был собирать информацию о положении русской армии и флота, о состоянии финансов и торговли, о русских государственных деятелях и фаворитах императрицы, о дворе наследника престола. Насколько шотландец справился с этим заданием, сказать трудно, поскольку депеши Дугласа остаются неопубликованными. В определенной степени эту задачу информирования правительства удалось решить его помощнику шевалье д'Эону де Бомону, прибывшему в Петербург в августе 1756 года.

Шарль Женевиёв Луи Огюст Андре Тимо-те, шевалье д'Эон де Бомон (Charles-Geneviève-Louis-Auguste-André-Thimothée, chevalier d'Éon de Beaumont, 05.10.1728–21.05.1810)²⁵ – один из знаменитых авантюристов века Просвещения. Его имя давно попало на страницы исторических исследований и романов. Известный французский писатель Фредерик Гайярде опубликовал вымышленные «Мемуары шевалье д'Эона»²⁶, в которых описывал приключения юного кавалера в женском облике при дворе русской императрицы Елизаветы Петровны. Миф о шпионе, проникшем под видом девушки в спальню русской императрицы, был развеян еще в классиче-

ской работе А. Вандаля²⁷. Достоверные сведения о жизни и сочинениях шевалье д'Эона можно найти в работах П. П. Черкасова²⁸, А. Ф. Строева²⁹, Ф.-Д. Лиштенан. Между тем его сочинения, созданные во время пребывания в России, стали известны исследователям совсем недавно. В 2006 году Лиштенан опубликовала «Записку о России в 1759 году шевалье д'Эона»³⁰. В 2016 году автор этих слов получил от французских экспертов по антиквариату Рока де Колиньи и Гули Маретт транскрипцию рукописи XVIII в. «Anecdotes secretes sur la cour de l'Impératrice de toutes les Russies»³¹ («Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской»), которую они атрибутировали как сочинение того же автора. Это произведение французской россики до сих пор не было известно исследователям. Сведения о дворе императрицы Елизаветы Петровны были собраны шевалье д'Эоном во время его пребывания в Петербурге с августа 1756 по июнь 1757 года. Текст составлен в Париже, где летом 1757 года находился шевалье между двумя поездками в Россию. Сочинение относится к популярному в XVIII в. жанру анекдотов – «неопубликованных», устных рассказов о скрытых, неизвестных сторонах жизни известных людей. Рассказы посвящены следующим сюжетам: распорядок дня императрицы, её стол, фавориты, круг общения императрицы (вельможи, статс-дамы, фрейлины, артисты, дипломаты), одежда императрицы и придворных, приемы во дворце, дипломатические приемы, опалы и наказания, ссылка в Сибирь, личные качества императрицы, театр в Петербурге, придворные свадьбы, гвардия. В центре повествования находится личность императрицы Елизаветы Петровны.

Отличие от «Анекдотов» «Записка о России в 1759 году» претендует на обобщение сведений о России. Сам автор указывал, что в первом случае он выступал как литератор (*home de lettres*), а во втором – как государственный деятель (*home d'État*)³². «Записка» была составлена во время повторного пребывания д'Эона в России в качестве первого секретаря французского посольства с сентября 1757 по август 1760 года. Д'Эон включил в неё информацию, которая могла бы быть полезной для руководителей внешнеполитического ведомства и для короля.

Как свидетельствуют комментарии Лиштенан, сведения о географии и истории России автор почерпнул из известных сочинений Д. Перри и Ф. И. Страленберга, которые давно были переведены на французский язык. Другие разделы «Записки», посвященные природным ресурсам страны, Петербургу, Академии наук, правительственным учреждениям, финансам, армии и флоту, торговле и мануфактурам, имеют более оригинальный характер. Автор подчеркивал трудность сбора такого рода информации в России из-за невежества и подозрительности русских, которые к тому же склонны к преувеличенному мнению

о собственной стране³³. Д'Эон, как и многие его предшественники, указывал на необходимость установления прямой торговли между Россией и Францией, которые имеют обоюдную заинтересованность в производимых в их странах товарах, но вынуждены терпеть большие убытки из-за посредников³⁴. Особое внимание он уделил описанию двора, вельмож, их связей и интересов (в этом плане «Записка» является своеобразным продолжением «Анекдотов»). Амбициозный автор стремился показать, что благодаря своим дипломатическим талантам он вхож в высшее общество Петербурга.

К двум названным сочинениям шевалье д'Эона примыкают его записки «Персоны первых рангов этого двора» (1759) с характеристикой главных лиц из окружения Елизаветы Петровны и «Размышление о легкости переворота в России по смерти императрицы с планом, которому должно следовать для достижения успеха, и о возможности его дальнейшего исполнения» (март 1762). Этот сочиненный задним числом план указывал на возможность составить заговор русских вельмож в пользу великого князя Павла Петровича с целью введения в России «свободного» правления по образцу Польши и Швеции, которое привело бы страну к анархии и ослаблению³⁵. Д'Эон мечтал занять место французского посла в России и вдохновлялся примером де Ла Шетарди, также полагавшего в свое время, что дворцовый переворот приведет страну к ослаблению и восстановлению допетровских порядков³⁶. Это была одна из «вечных» идей французской дипломатии при Людовике XV.

Дипломатическая корреспонденция французского посла Поля-Франсуа Галлюси, маркиза де Лопиталья (Paul-François Galluci, marquis de L'Hôpital, 13.01.1697–29.01.1776)³⁷, занимавшего этот пост с июня 1757 по январь 1760 года, частично опубликована А. Рамбо³⁸. В его депешах информация о текущих придворных событиях, личные характеристики императрицы и её окружения перемежаются с сообщениями о действиях русской армии против Фридриха II. Старый вояка маркиз не был склонен к активным интригам при русском дворе. «Я, конечно, знаю сильные и слабые стороны этого двора, но я не могу изменить ни форму правления, ни характер людей, которые влияют на большую политику»³⁹, – писал он. Его донесения дополняются относящимися к тому же времени записками дипломатов д'Эона и Мессельера.

Луи-Александр Фротье де Ла Мессельер (Louis-Alexandre Frotier de La Messelière, 08.04.1710–1777)⁴⁰ к моменту приезда в Россию сделал военную карьеру и занимал высокий пост во французском посольстве в 1757–1759 годах. Он был лично известен императрице Елизавете Петровне, пользовался её благосклонностью и был награжден орденом Св. Анны. Мессельер, как ранее Дуглас, утверждал, что в России на его

жизнь покушались сторонники англо-прусской «партии». В 1772 году он начал писать воспоминания⁴¹, которые частично переведены на русский язык⁴². Мемуары Мессельера по манере и тону изложения отличаются от записок его предшественников. В них нет документальной точности дипломатических донесений, они откровенно субъективны и на редкость благожелательны к России и к русским. Мессельер не свободен от стереотипных представлений о России как об экзотической полуазиатской стране, но эти стереотипы не выливались в данном случае в образ варварской и враждебной державы. Автор выражал уверенность в том, что русские преодолеют варварские традиции и деспотизм и станут «одним из первых народов мира». Наблюдая учения русской армии, он восхищался её боеспособностью и храбростью русских солдат, которых «можно повести штурмовать самый ад». Русские дороги (!), Петербург и его архитектура произвели на него самое благоприятное впечатление. Мессельер давал высокую оценку государственным способностям Елизаветы Петровны. Арест канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, извечного врага французских дипломатов, породил в авторе надежды на улучшение русско-французских отношений. Заметное место в мемуарах занимает весьма поверхностное описание участия России в Семилетней войне.

В 1760 году произошла смена лиц во французском посольстве в Петербурге. Маркиза Лопиталья заменил Луи-Шарль-Огюст Ле Тоннелье, барон де Бретейль, а на должность секретаря посольства вместо д'Эона был назначен другой агент «секрета короля» – Жан-Луи Фавье (Jean-Louis Favier, ок. 1710–1784)⁴³. Последний прибыл в Петербург в феврале 1761 года вместе с известным ученым путешественником аббатом Шаппом д'Отрошем. Фавье покинул Россию уже в апреле того же года, а в октябре он подал министру иностранных дел герцогу Шуазелю-Пранлену записку «Observations sur la cour de Russie, le ministère et le système actuel» («Заметки о русском дворе, правительстве и нынешней системе»). Копия, снятая с записки в том же 1761 году, хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁴⁴. Отдельные части этого сочинения публиковались в русском переводе⁴⁵.

Записки Фавье привлекательны уже тем, что их автор был известным писателем, эрудитом, полиглотом, знатоком европейской политической системы. Россия могла привлечь его внимание еще в бытность его секретарем маркиза Шетарди, когда последнего после высылки из Петербурга назначили послом в Турине (1749–1752). Еще более важными представляются его контакты с семейством Воронцовых. Будучи агентом «секрета короля», Фавье незадолго до своего приезда в Россию подвизался в качестве воспитателя молодого А. Р. Воронцова во время его путешествия по Испании и Италии. Обшир-

ные знания, наблюдательность, литературный талант придают несомненную ценность «Заметкам» французского дипломата, несмотря на краткость его пребывания в России.

В центре внимания автора – императрица Елизавета Петровна и её окружение, великий князь Петр Федорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна и их двор. Автор анализирует цели, которые Россия преследует в Семилетней войне, характеризует её политику в отношении основных европейских государств, дает описание русской торговли. Личные характеристики отличаются пронизательностью и тонкой нюансировкой образов. Автор, например, показывает, как под влиянием болезни менялись характер и поведение Елизаветы Петровны, её «нравственное состояние».

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что сочинения французских дипломатов в царствование Елизаветы Петровны различаются по целям, которые ставили их авторы, и по жанрам: эпистолярный жанр представлен деловой дипломатической перепиской; присутствуют «аналитические» записки, дающие характеристику страны и двора, мемуары (воспоминания) и «анекдоты». В этих сочинениях сполна отразились личные особенности их авторов – высокомерие и легкомыслие де Ла Шетарди, грубоватый прагматизм Дальона, авантюризм и бахвальство д'Эона, созерцательность Лопиталья, благожелательность Мессельера, аналитический ум и тонкая наблюдательность Фавье. Тем не менее рассмотрение сочинений французской россики середины XVIII в. позволяет выделить общие «родовые» черты, характеризующие представления французских дипломатов о России. Эти представления уходят своими корнями в эпоху Петра I, когда образ России подвергся определенной трансформации при сохранении некоторых стереотипов о «варварской» стране Севера. Подобно их коллегам в петровское время, французские авторы середины XVIII в. часто демонстрировали поверхностность наблюдений, отсутствие подлинного интереса к внутреннему состоянию русского общества, преобладание сюжетов персонального и придворного характера, любовь к интригам, склонность к беллетристике⁴⁶. Французским дипломатам елизаветинского времени Россия представлялась огромной неизведанной страной, которая за исключением столиц и некоторых западных городов оставалась terra incognita для иностранцев. Они подчеркивали глубокое отличие России от других европейских стран, нередко выделяли азиатские черты в быте и нравах народа и двора. Редко касаясь темы простого народа, они отмечали его невежество и забитость. Общим местом были рассуждения о деспотизме русской власти и рабстве всех подданных без различия сословий и званий. Деспотизм изображался следствием недостаточной цивилизованности общества, которым мож-

но управлять только с помощью страха, кнута и угрозы ссылки в Сибирь. Свидетельством внутренней слабости страны была, по мнению авторов-дипломатов, легкость дворцовых переворотов, «революций», совершавшихся с помощью гвардии («янычар»).

Почти все сочинения были проникнуты сознанием огромной роли Петра I как создателя «новой» России, хотя степень её обновления авторы не склонны преувеличивать. Парадоксальным образом отмеченная ими «любовь» народа к наследнику Петра I сочеталась в писаниях французов с «ненавистью» русских к Петербургу и к иностранцам, которые с легкой руки реформатора наводнили страну. Нередко отмечалось стремление всех русских вернуться к «допетровскому» состоянию. Созданная царем сильная армия, состоящая из неприспособленных и смелых солдат, представляла, по мнению дипломатов, серьезную угрозу для соседних государств. Однако стремление России вмешиваться в решение европейских дел они полагали необоснованным.

Авторам рассмотренных сочинений нельзя совсем отказать в верности наблюдений, которые, однако, утрировались и искажались под влиянием как вековых стереотипов «русского варварства», так и нового «мифа Петра Великого». Сложившийся в сочинениях французских дипломатов середины XVIII в. по большей части негативный образ страны был обусловлен также внешнеполитической доктриной версальского двора, которая (подчас вопреки политическим реалиям) отводила России место политического захолустья Европы и потенциального врага Франции.

Ограниченный объем настоящей статьи позволяет лишь обозначить основные черты образа России в произведениях французской россики середины XVIII в., которые заслуживают более пристального изучения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00131).

Примечания

- 1 См.: Архив князя Воронцова : в 40 кн. М., 1879. Кн. 13. С. 481–482.
- 2 См.: *Беспятовых Ю. Н.* Иностранцы источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмалль). СПб., 1998. С. 15–17 ; *Мицлов Р. И.* Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872 ; *Мезин С. А.* Взгляд из Европы : французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003 ; *Он же.* Французская Россика конца XVII – первой четверти XVIII в. // Россия и мир глазами друг друга : из истории взаимовосприятия. Вып. 7. М., 2016. С. 332–343.
- 3 См.: *Иконников В. С.* Опыт русской историографии : в 2 т. СПб., 2013. Т. 2, кн. 3. С. 629–635.

- 4 См.: Киржаев С. Н. Небесполезное, хотя и пристрастное «инаковидение» России // Иконников В. С. Указ. соч. Т. 2, кн. 3. С. 717–743.
- 5 См.: Фурсенко В. Шетарди // Русский биографический словарь. Шебанов–Шютц. СПб., 1911. С. 245–267; Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М., 1995. С. 32–49; Les Français en Russie au siècle des Lumières. Sous la direction d'Anne Mézin et de Vladislav Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. Vol. 2. P. 796–797.
- 6 О русско-французских отношениях середины XVIII века см.: Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии...
- 7 Лиштенан Ф. Д. Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство 1740–1750. М., 2000. С. 236.
- 8 Искюль С. Н. Александр Иванович Тургенев. 1784–1845 // Тургенев А. И. Российский двор в XVIII веке / пер. с фр. Д. В. Соловьева. СПб., 2005. С. 33.
- 9 См.: Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных делеш французского посольства в Петербурге издал с примечаниями и дополнениями П. Пекарский. СПб., 1862.
- 10 См.: Recueil des instructions données aux ambassadeurs de France. P., 1890. Т. 8 (1). P. 341–353.
- 11 См.: Сборник Имп. Русского исторического общества : в 148 т. СПб., 1893. Т. 86; СПб., 1894. Т. 92; СПб., 1896. Т. 96; СПб., 1897. Т. 100; СПб., 1899. Т. 105 (в двух последних томах донесения публиковались без перевода).
- 12 Там же. Т. 86. С. 559–563.
- 13 Там же. Т. 96. С. 609.
- 14 Там же. С. 172–173.
- 15 Там же. Т. 100. С. 38.
- 16 Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 2. P. 804.
- 17 См.: Сборник Имп. Русского исторического общества. Т. 100. С. 293.
- 18 См.: Лиштенан Ф. Д. Россия входит в Европу. С. 117.
- 19 См.: Сборник Имп. Русского исторического общества. Т. 100; 105.
- 20 Там же. Т. 105. С. 15.
- 21 Там же. С. 403–410, 549–567.
- 22 Там же. Т. 100. С. 480–484.
- 23 Там же. С. 513, 532.
- 24 См.: Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 2. P. 555–556.
- 25 Ibid. P. 305–307.
- 26 См.: Gaillardet F. Mémoires du chevalier d'Éon, publiés pour la première fois sur les papiers fournis par sa famille, et d'après les matériaux authentiques déposés aux Archives des affaires étrangères. P., 1836. Т. 1–2.
- 27 См.: Vandal A. Louis XV et Élisabeth de Russie. Étude sur les relations de la France et de la Russie au dix-huitième siècle d'après les Archives du Ministère des affaires étrangères. P., 1882. P. 223, 265–269, 300–310.
- 28 См.: Черкасов П. П. Указ. соч. С. 98–100.
- 29 См.: Строев А. Ф. «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998.
- 30 En Russie au temps d'Élisabeth. Mémoire sur la Russie en 1759 par le chevalier d'Éon / présenté et annoté par Francine-Dominique Liechtenhan. P., 2006.
- 31 Личный архив автора.
- 32 См.: En Russie au temps d'Élisabeth. P. 17.
- 33 Ibid. P. 84.
- 34 Ibid. P. 124.
- 35 Ibid. P. 141–170.
- 36 См.: Сборник Императ. Русского исторического общества. Т. 96. С. 131, 170.
- 37 См.: Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 2. P. 353–355.
- 38 См.: Recueil des instructions données aux ambassadeurs de France. Paris, 1890. Т. 8 (2). P. 31–102.
- 39 Ibid. P. 97.
- 40 См.: Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 2. P. 345–346.
- 41 Voyage à Pétersbourg, ou Nouveaux memoires sur la Russie, par M. de La Messelière... Paris, 1803.
- 42 См.: Записки Мессельера / пер., предисл., примеч. и послесл. М. Н. Лонгинова // Русский архив. 1874. Кн. 1, вып. 4. Стб. 952–1031.
- 43 См.: Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 2. P. 319–322.
- 44 См.: ОР РНБ. Fr. F IV 186.
- 45 См.: Русский двор в 1761 году // Русская старина : в 174 т. 1878. Т. 23. С. 178–206; Записки Фавье // Исторический вестн. : в 149 т. 1887. Т. 29. С. 384–405.
- 46 См.: Мезин С. А. Французская Россия конца XVII – первой четверти XVIII в. С. 340–341.

Образец для цитирования:

Мезин С. А. Французская Россия середины XVIII века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 276–282. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-276-282.

Cite this article as:

Mezin S. A. French Rossika in the Middle of the XVIII Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 276–282 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-276-282.